

К рис. 2.

1 — А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, № 15, СПб., 1905, № 258; 2 — М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, М.—Л., 1958, рис. 48; 3 — J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II, Helsinki, 1877, № 779; 4 — Б. Н. Я. В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XVII, № 363; 5 — В. И. Довженок. Розкопки древнього Вишгорода, АП, т. III, Київ, 1952, табл. II, 2; 6 — ГИМ, инв. № 54746; 7 — Б. Н. и В. И. Ханенко. Ук. соч., № 365; 8 — Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. V, 16; 9 — Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. 741/356; 10 — Н. Беляшевский. Раскопки на Княжой Горе в 1891 г. Киев, 1892, табл. II, 30.

К рис. 3.

1 — А. А. Спицын. Декоративные топоры. ЗРАО, т. XI, 1915, рис. 1; 2 — там же, рис. 15; 3 — А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, рис. 25; 4 — «Меряне и их быт по раскопкам А. С. Уварова». Собрание карт, планов и рисунков к «Трудам I Археологического съезда». М., 1871, табл. XXXIV, 13; 5 — W. Hensel. Studien i materialy do osadnictwa wielkopolski wczesnohistorycznej. т. I, Poznań, 1950, рис. 70; 6 — Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, рис. 10; 7 — Новгородская экспедиция 1959 г., лл. 17, кв. 1724, № 2; 8 — А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 5, 3. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959; 9 — I an Filip. Pradzieje. Czechoslowacji. Poznań, 1951, табл. 28, № 36.

К рис. 4.

О. Л. Кульчицька. Народний одяг західних областей УРСР. Київ, 1959, табл. 26, 4.

С. В. КИСЕЛЕВ

ГОРОД МОНГОЛЬСКОГО ИСУНКЭ НА Р. ХИРХИРА
В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В 1818 г. выдающийся исследователь Сибири Г. И. Спасский впервые сообщил в «Сибирском вестнике» о большом гранитном камне с высеченной на нем надписью «восточными буквами», хранящемся в Нерчинском заводе¹. В 1832 г. камень удалось отправить в Петербург. В 1839 г. он был экспонирован на Выставке произведений промышленности, а после этого передан в Азиатский музей Академии наук; в настоящее время он хранится в Гос. Эрмитаже.

Уже ламы и толмачи Забайкалья читали на этом камне имя «Чингис-хан». С тех пор он и стал известен в науке под названием «Чингисова камня». Первый полный перевод с Чингисова камня сделал преподаватель монгольского языка в Кяхтинском училище Ванчиков. С его переводом камень и был выставлен на Выставке 1839 г.²

Я. Шмидт дал свой крайне надуманный перевод Чингисова камня на немецкий язык, совершенно необоснованно обрушившись на перевод Ванчикова³. В 1851 г. надпись на Чингисовом камне подробно исследовал выдающийся бурятский ученый-монголовед Доржи Банзаров. Он детально разобрал перевод Я. Шмидта и убедительно показал его несостоятельность. Вместе с тем Д. Банзаров дал свой перевод и толкование надписи⁴. Обнаружилось, что надпись была высечена по случаю награждения Чингис-ханом своего племянника Исункэ⁵.

Только в 1927 г. надпись Чингисова камня привлекла вновь внимание монголистов. Ин. Клюкин опубликовал во Владивостоке новый перевод надписи, значительно отличающийся от всех предыдущих, но, так же как и перевод Д. Банзарова, свидетельствующий о том, что поводом для создания надписи явилось награждение Исункэ Чингис-ханом⁶. С тех

¹ «Сибирский вестник», ч. IV, отд. II, 1818, стр. 116—124.

² «Когда Чингис-хан соизволил овладеть сартольским народом и присоединить к древнему становищу всего монгольского народа, находящиеся вообще по Онону побеждены тремястами тридцатью пятью посланными». Этот перевод опубликован в примечаниях к статье Д. Банзарова «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исункэ, племянника Чингис-хана» (Д. Банзаров. Собрание соч., М., 1955, стр. 204), составленных Н. Н. Румянцевым.

³ См. по этому поводу «Процесс о монгольской надписи на памятнике Чингис-хана». Отечественные записки, СПб., 1839, т. VII, Смесь, стр. 27—33. Перевод Я. Шмидта см. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de S. Pétersb., 1833, VI série, т. II, 1, стр. 252.

⁴ Д. Банзаров. Ук. соч., стр. 187—206.

⁵ Перевод Д. Банзарова: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучигае, то Исункэ получил в удел триста тридцать пять воинов хонгодорских» (Д. Банзаров. Ук. соч., стр. 200).

⁶ «Когда Чингис-хан, по возвращении с захвата власти сартагулов, всех ноионов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исункэ на триста тридцать пять маховых сажень расстояния (прицела) выстрелил из лука» (Инн. Клюкин. Древнейшая монгольская надпись на Хирхинском («Чингисовом») камне. Тр. Гос. Дальневост. университета, серия VI, № 5, Владивосток, 1927, стр. 32—33).

пор связь Чингисова камня с Исункэ стала общепризнанной как у нас, так и за границей⁷. Это весьма увеличило значение надписи, так как Исункэ являлся далеко не заурядной фигурой среди деятелей древне-монгольского государства.

Он родился в 1185 г. и был третьим сыном знаменитого Джочи-Касара, брата Чингис-хана. Впервые мы узнаем о нем в трагические дни борьбы Темучина с Ван-ханом в 1203 г. Джочи-Касар, чтобы усыпить подозрительность Ван-хана, оставляет в его становище жену и трех сыновей, в том числе и 18-летнего Исункэ. Эта хитрость удалась: Ван-хан был захвачен врасплох и разбит Темучином и Джочи⁸. В 1206 г. приказом Чингис-хана Исункэ стал старшиной над гвардейскими стрелками личной охраны⁹. В 1223 г. Исункэ выполняет самые секретные поручения Чингис-хана. Именно ему поручается вызвать Угэдея и Тулуя в Онгон-Далан-Кудук на тайное совещание, на котором Чингис-хан определил направление дальнейшего военного и внутреннего развития древне-монгольского государства¹⁰. В 1225 г., по возвращении Чингис-хана из похода на Запад, Исункэ уже настолько знатен, что может поставить в свою честь стелу.

После смерти Чингиса Исункэ занимает еще более высокое положение. В 1240 г. он командует уже всеми гвардейскими стрелками охраны Угэдея¹¹. При Мункэ и Хубилае Исункэ достигает положения, которое занимал его отец Джочи-Касар, — становится командующим всей гвардией. Одновременно он управляет родовым улусом Касара, выделенным еще Чингис-ханом «на северо-востоке в пределах Аргуни, Джалайнора и Хайлара»¹². В 1260 г., по время борьбы Хубилая с Ариг-бугой, 75-летний Исункэ воевал на стороне Хубилая. По сообщению Рашид-ад-Дина, он в это время был еще крепок и не имел ни одного седого волоса¹³. Год смерти Исункэ пока неизвестен.

Со страниц хроник и эпиграфических памятников выступает фигура одного из виднейших деятелей древнего монгольского государства, знатного Чингизида, потомки которого «одни только имели право сидеть с царевичами» на торжественных церемониях, даже при далеком западном дворе хулагидов¹⁴. Вместе с тем интерес к Исункэ повышается еще и потому, что земли его родового улуса заходили в пределы Читинского Забайкалья, где в последние годы исследовались памятники оседлой городской культуры древних монголов.

В этой связи чрезвычайно важно установить место, где стоял Чингисов камень с надписью в честь Исункэ. В своей статье 1818 г. Г. И. Спасский сообщил, что в пяти верстах от развалин города, расположенных в низовье р. Хирхиры (левого притока Урулюнгуя), вверх по этому ручью «находятся несколько древних курганов, заслуживающих внимания тем, что, по уверению некоторых, близ оных стоял большой гранитный камень с прекрасно высеченной на нем восточными буквами надписью», так называемый Чингисов камень. Правда, Г. И. Спасский здесь же оговаривается, что «большая часть утверждает, что сей камень принадлежит к числу памятников, найденных при разрытии древних развалин в Кондуе»¹⁵.

⁷ S. Murayama. Über die Inschrift auf dem «Stein des Cingis». Oriens, т. III. № 1, Leiden, 1950, стр. 108—112.

⁸ Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перевел с китайского с примечаниями Архимандрит Палладий. Тр. членов Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб., 1866, стр. 96.

⁹ Там же, стр. 126; ср. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 52.

¹⁰ Рашид-ад-Дин, Ук. соч., стр. 231—232.

¹¹ Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, стр. 126.

¹² Рашид-ад-Дин, Ук. соч., стр. 52.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 51.

¹⁵ «Сибирский вестник», ч. IV, отд. II, стр. 117—118.

Последнее мнение должно быть отвергнуто. Еще А. К. Кузнецов, проведя в 1889 г. специальные расспросы местных старожилов, пришел к заключению, что камень Исункэ был вывезен в Нерчинский завод «из Киркиринского городка»¹⁶. Сообщение Г. И. Спасского о связи Чингисова камня с хирхиринскими развалинами подтверждается рассказом Н. С. Шукина о том, что плита с письменами стояла в глубокой пади по дороге в Кличкинский рудник на гранитном круглом основании, но потом свалилась и при падении разбилась надвое, но письмена не повредились¹⁷. Последняя деталь очень важна, так как Чингисов камень также разбит надвое. Указание на дорогу в Кличкинский рудник тоже очень существенно. По берегу р. Хирхиры и сейчас идет дорога от развалин города на север, к Кличкинскому руднику. В пользу связи Чингисова камня с Хирхиринским городом говорит и наличие (правда, не в пяти, а в двух верстах к северу от развалин, как раз у дороги на Кличку) большой курганной группы, раскопки которой в 1959 г. с несомненностью установили ее связь с городом. Так как обследованиями не обнаружено в окрестностях Хирхиринского города никаких других курганов, можно полагать, что исследованные нами курганы и есть те, о которых упоминал Спасский. К стати, за горой Окошки, на которой расположены эти курганы, находится глубокая падь, вполне соответствующая описанной Н. С. Шукиным как место, где некогда стоял Чингисов камень. Да и расстояние от хирхиринских развалин до этой пади также приближается к сообщенному информаторами Г. И. Спасского.

С другой стороны, против того, что на месте расположения Кондуйского дворца будто бы стоял Чингисов камень, говорит прежде всего хронология. Надпись Исункэ была высечена, конечно, очень скоро после 1225 г. когда произошли отраженные в ней события. Между тем Кондуйский дворец был построен значительно позднее, уже в XIV в., ближе ко времени крушения империи Юань, когда он и погиб от пожара. К этому времени не только давно уже умер Исункэ, но и его сыновья и внуки¹⁸.

Хирхиринский же город, как будет показано ниже, относится как раз по времени сложения государства Чингис-хана и может вполне считаться одновременным надписи Исункэ. Кроме того, нужно учесть и то обстоятельство, что Кондуй расположен на целых 60 км дальше на север от р. Аргуни и отделен от нее еще одной горной цепью, тогда как Хирхиринский город отделяют от этой реки (входившей в улус Исункэ) всего 40 км удобных долинных проходов.

Все эти соображения составляют, на мой взгляд, безусловное основание для того, чтобы помещать местоположение Чингисова камня в окрестностях хирхиринских развалин. Последние же, несомненно, представляют собой остатки города, принадлежавшего улусу Джочи-Касара, и тесно связаны с его долголетним правителем — Исункэ.

* *
*

С большим трудом отыскивали мы в 1957 г. развалины города на р. Хирхира¹⁹. В этой местности почти не осталось старожилов, а речка — довольно широкий горный ручей у Ивановского рудника и у с. Ивановки — при выходе в долину Урулюнгуя (примерно в 4 км от своего устья) совершенно исчезает среди лугов и пашен. Только в 1959 г. после силь-

¹⁶ А. К. Кузнецов. Развалины Кондуйского городка. Владивосток, 1925, стр. 56.

¹⁷ Н. С. Шукин. Очерки Забайкальской области. ЖМВД, 1852, январь, стр. 146.

¹⁸ С. В. Киселев. Древние города Забайкалья, СА, 1958, № 4, стр. 113—119;

Рашид-ад-Дин, Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 52.

¹⁹ В работах на Хирхире принимали участие: Андреев Г. И., Гришин Ю. С., Евтюхова Л. А., Киселев С. В., Ковлюхова А. Е., Петров Л. Н., Терехова Н. Н.

ных ливней можно было видеть тонкую струйку воды р. Хирхиры, по низинкам добиравшейся до р. Урулюнгуй, также почти сплошь укрытой осокой и камышами. Развалины Хирхинского города расположены на границе земель восточной усадьбы овцеводческого совхоза (б. с. Киберева) и колхоза с. Усть-Тасуркай, Быркинского района, Читинской области. Через территорию города проходит дорога, идущая по левому берегу р. Урулюнгуй из с. Усть-Тасуркай на Киберевку и дальше в рабочий поселок Новая Кличка. По этой дороге затем можно попасть в Кличкинский рудник и дальше на ст. Могойтуй узкоколейной ветки Забайкальской ж. д. (от ст. Могойтуй до хирхинских развалин около 50 км). Хирхинский город расположен на низкой надпойменной террасе. К югу она примерно в 1 км переходит в низину поймы Урулюнгуя, а с восточной стороны от города начинаются болотины и промоины бывшего тальвега р. Хирхиры²⁰.

Таким образом, развалины Хирхинского города расположены на низком мысу, некогда омывавшемся с востока р. Хирхирой и с юга протоками Урулюнгуя. В 2 км к северу местность повышается к Кличинскому хребту. Его первым отрогом и является гора Окошки, на которой мы открыли курганный некрополь города. «Близ» этих курганов, очевидно, и стояла впади, отделяющей гору с севера от основного хребта, знаменитая стела Исункэ.

Остатки городских строений начинаются непосредственно у края понижения древнего западного берега р. Хирхира и тянутся на запад на 1500 м (рис. 1). В 350 м к западу от берега поймы р. Хирхиры среди остатков построек расположена цитадель. Ее окружает вал высотой до 2,5 м и шириной до 15 м в основании, образующий правильный четырехугольник, имеющий с запада на восток 100 м и с севера на юг — 110 м. С запада, юга и востока перед валом четко виден ров. С южной стороны восточная половина рва расширяется и образует обширный пруд с прихотливо изгибающимися берегами. Это заставляет вспомнить пруды китайских дворцов и искусственное озеро у южных ворот дворца Утэдея в Каракоруме. По середине южной стороны вал цитадели имеет четкий переборот, были еще боковые в юго-восточном углу цитадели, где ров и вал также имеют проем до 20 м. Внутри цитадели видны остатки ряда сооружений. Прежде всего нужно отметить центральное сооружение, сохранившееся в виде четырехугольного холма высотой до 2 м и площадью с севера на юг — 15 м и с запада на восток — 30 м. С южной стороны завышен выступ входной лестницы или пандуса. Раскопки восточной половины этого здания (раскоп I) позволили видеть в нем дворец правителя. С дворцовым зданием, безусловно, связаны остатки сооружений, заметные в виде всхолмлений на переднем южном дворе, по бокам и с северной стороны вала. Другое крупное здание цитадели примыкает к середине восточной стороны вала. Некогда от двора крепости его отделял дворик, четко видный и теперь. Это здание, так же как и дворец, стояло на высоком пологом вала в северо-восточном углу цитадели заметны остатки стен какого-то сооружения, стоявшего прямо на земле. С южной стороны восточного здания у вала, примыкая к нему, протянулись остатки каких-то помещений. Южная часть их была раскопана одновременно с разрезом вала. По-видимому, здесь жила стража (раскоп II). С северной стороны к валу цитадели были пристроены какие-то дворы, роженные стенками. Внутри каждого из них были небольшие постройки.

²⁰ Если от развалин на запад, к Киберевке и Кличке, дорога идет сухими взгорьями на восток, к Усть-Тасуркаю, она проходит сырыми лугами и пашнями и после нескольких дождей становится непроезжей. Мало удобны и дороги, идущие по южной стороне р. Хирхиры на север, через Ивановку и Ивановский рудник на тот же рабочий поселок Кличкинского рудоуправления.

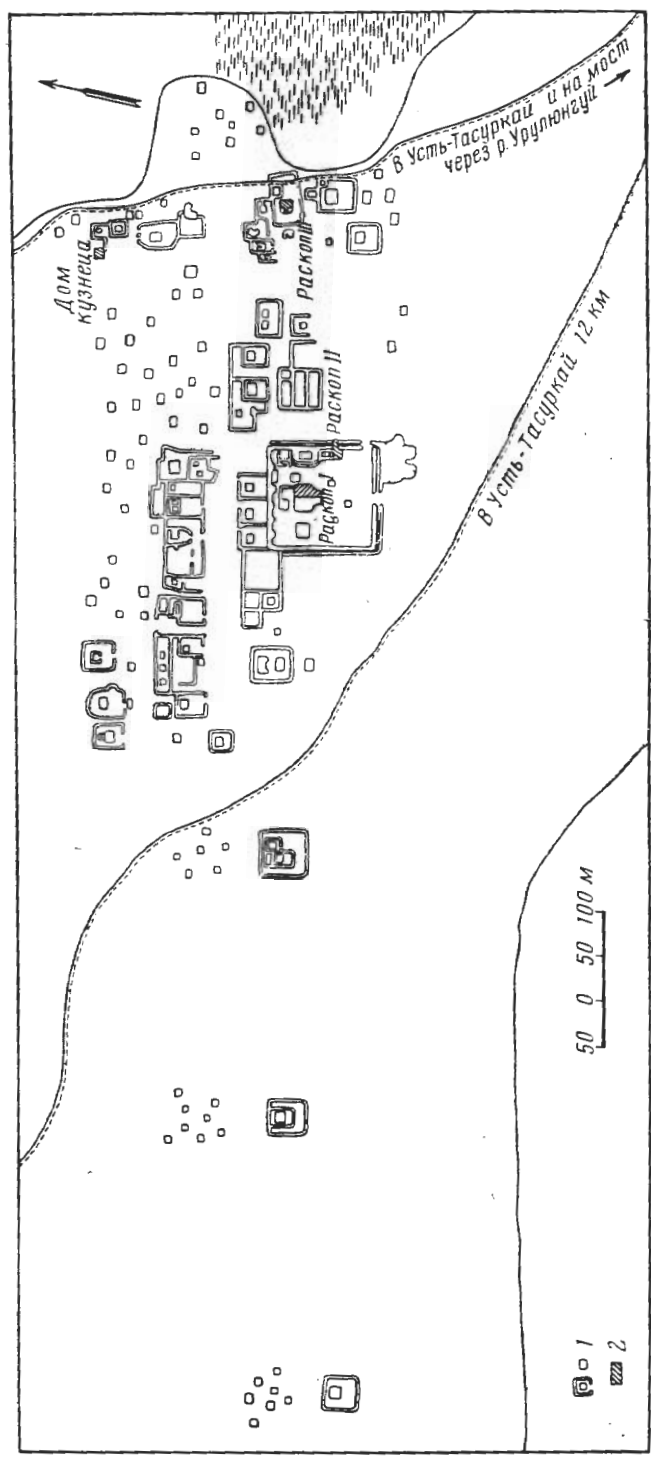

Рис. 1. План Хирхинского городища
1 — остатки домов и построек; 2 — раскопки 1953 г.

В какой-то связи с этими дворами находятся особенности строения внутренней стороны северного вала цитадели. Изнутри к нему здесь как бы пристроены пять утолщений. Три из них совпадают с наружными двориками. От этих двориков и северо-западного угла цитадели протянулись на запад какие-то обширные огороженные площади квадратных очертаний. Лишь на одной из них стояло здание. Значительно менее мощные и низкие валики и вместе с тем правильность планировки заставляют предполагать, что это — садовые участки, подобные примыкающим с востока к цитадели уйгурской столицы Орду-Балык на Орхоне²¹.

Вокруг цитадели расположены остатки различных строений города. Одни из них строго повторяют ориентировку стен крепости и отличаются большой правильностью планировки, что, вероятно, указывает на одновременность их постройки и сооружения цитадели. Другие здания менее правильны в своей планировке и по направлению стен только в общем совпадают с ориентировкой крепости. Все сооружения восточной части города можно разбить на три вида. Это, прежде всего, огороженные низкими валиками правильные четырехугольники, образующие сетку участков. На их площади нет никаких следов построек, и поэтому в них можно видеть остатки регулярных садов. Другие представляют собой замкнутые ограды, иногда с пристроенными к ним боковыми задними дворами. Внутри оград видны остатки центральных зданий, иногда парных, и следы других сооружений. Еще в 1957 г. мы назвали их укрепленными усадьбами знатных горожан. Теперь, вскрыв один из домов такой усадьбы (раскоп III), мы не получили данных, опровергающих это определение.

Третий вид остатков зданий в восточной части Хирхиринаского города — это небольшие подчетыреугольные холмики. В 1957 г. мы определили их как развалы глинобитных домиков городской бедноты. В 1959 г. мы раскопали один из них на северо-восточной окраине и получили доказательства, что в нем жил кузнец.

К северу и северо-западу от цитадели расположены целые кварталы огороженных усадеб. Одни из них стоят отдельно, другие сливаются в сложную сетку дворов и закоулков. Между группами их видны переулки. Здесь же разбросаны и холмики мелких домиков. К западу от цитадели четыре укрепленные усадьбы располагаются обособленно друг от друга. Расстояние между ними достигает 170—200 м. Эти усадьбы более обширны, и две из них укреплены внутренними стенами.

Мелкие домики здесь также не образуют сплошной застройки, но группируются сзади (с северной стороны) каждой из усадеб. Более мощные укрепления западных усадеб, приближающихся по высоте и толщине вала к укреплениям цитадели, создают впечатление как бы форпостов города, выдвинутых далеко на запад. Но подъемный материал, собранный здесь в 1957 и 1959 гг., не позволяет видеть в них какие-то специально военные сооружения. Обломки посуды, чугунных котлов и другие бытовые предметы ясно показывают, что и здесь текла повседневная жизнь обитателей Хирхиринаского города.

Как уже упомянуто, главный раскоп I охватил всю восточную половину центрального здания цитадели и прилегающие части двора (всего 544 м²; рис. 2). Раскопки, прежде всего, позволили уточнить линию подошвы подиума дворца и границу его верхнего края (рис. 3), а также его высоту до уровня пола. находка у подошвы подиума на участке Е3 остатка кладки из сырцового кирпича высотой в 20 см заставила считать, что, по крайней мере, в нижней части наклонный срез склонов подиума был укреплен стенкой из сырцовых кирпичей.

Что касается самого здания дворца, стоявшего на верхней площадке подиума, то его конструкция остается не совсем ясной. Однако некоторые выводы сделать можно. Прежде всего, крайне ограниченное количество

²¹ Современный Хара-балгас. См. С. В. Киселев. Древние города Монголии. СД, 1957, № 2, стр. 93.

Рис. 2. Вид раскопок дворца

находок камня не позволяет считать, что стены здания, хотя бы в нижней своей части, были сложены из камней (подобно тому, как это было сделано в Кондуйском дворце)²². Кирпич найден двух размеров: обычный строительный — 32 × 16 см и 5 см толщиной и квадратный — 30 × 30 см, употреблявшийся для выстилания пола. Однако количество обломков кирпичей, найденных в раскопе I, также исключает предположение об употреблении его для кладки стен. Всего найдено 3827 кирпичей (главным образом обломков и несколько десятков целых). При этом наиболее насыщенными кирпичом оказались внутренние участки раскопа, соответствующие внутреннему пространству дворца (рис. 4). Здесь на каждый участок приходится в среднем 260 обломков и целых кирпичей, причем в ряде мест они сохраняют свое первоначальное положение настила пола. На внешних же участках раскопа, большая площадь которых выходит за пределы здания, количество кирпичей резко падает (до 60 фрагментов на каждый участок). Все это заставляет считать, что стены дворца были деревянными, щитовыми. Их основу составляли столбы. Частично столбы были врыты в площадку подиума, и поэтому их удалось зафиксировать (см. рис. 3), по большее число столбов было установлено просто на плотно убитой земляной поверхности подиума (может быть, на деревянных подкладках) и поэтому не сохранилось совершенно. Однако по ряду признаков мы все же можем восстановить линию наружных стен раскопанной части дворца. Прежде всего линия кирпичей края настила пола на участках Г3 и Г4 позволяет определить место и направление южной, фасадной, стены. Столб на участке В2, по-видимому, отмечает линию восточной стены дворца. Столбы, обнаруженные на участке Б3 (один из них смещен к северу оплывом сильно разрушенного здесь края подиума), также можно считать опорой стены, но уже с северной стороны здания. В раскопанной части дворец Хирхиринаской цитадели имел с юга на север 10,5 м и с востока на запад 14 м. Общая же его площадь достигала 300 м².

В некоторых своих частях дворец отапливался. Во всяком случае, это зафиксировано для юго-восточной его части, где ниже уровня кирпичного пола уцелела почти сплошная вымостка из плитняка (рис. 5). Под этой вымосткой обнаружены два широких отопительных канала глубиной до 0,4 м, каждый из которых соответствовал топке, врытой в восточный обрыв склона подиума. Направление каналов можно было определить еще до их вскрытия благодаря тому, что в них просели перекрывавшие их

²² С. В. Киселев. Древние города Забайкалья.

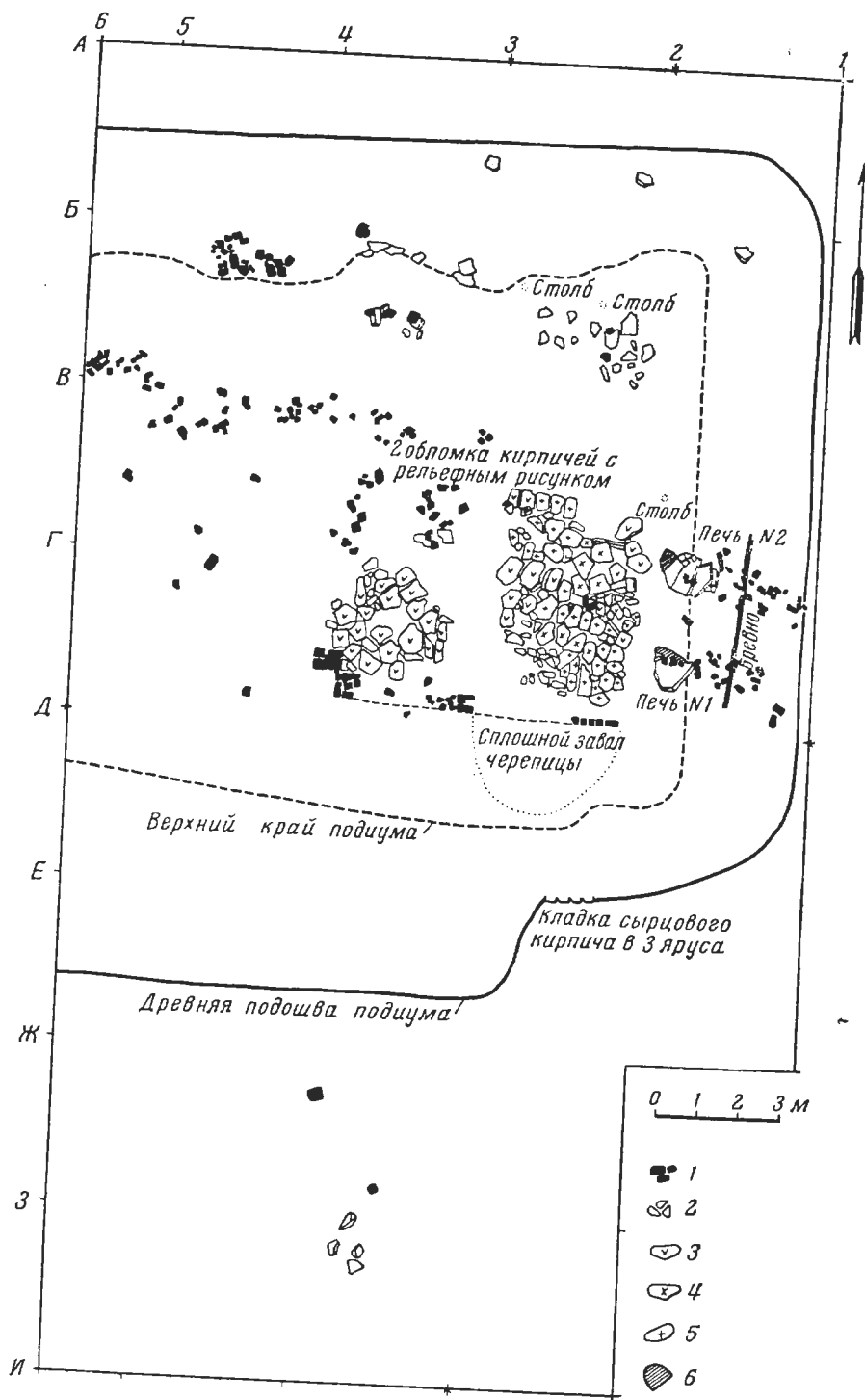

Рис. 3. План раскопанной части дворца-цитадели

1 — кирпичи; 2 — камни, плиты; 3 — плиты, лежащие горизонтально на глубине 30 см; 4 — то же, на глубине 50—60 см; 5 — плиты, просевшие в отопительные каналы; 6 — обожженная глина

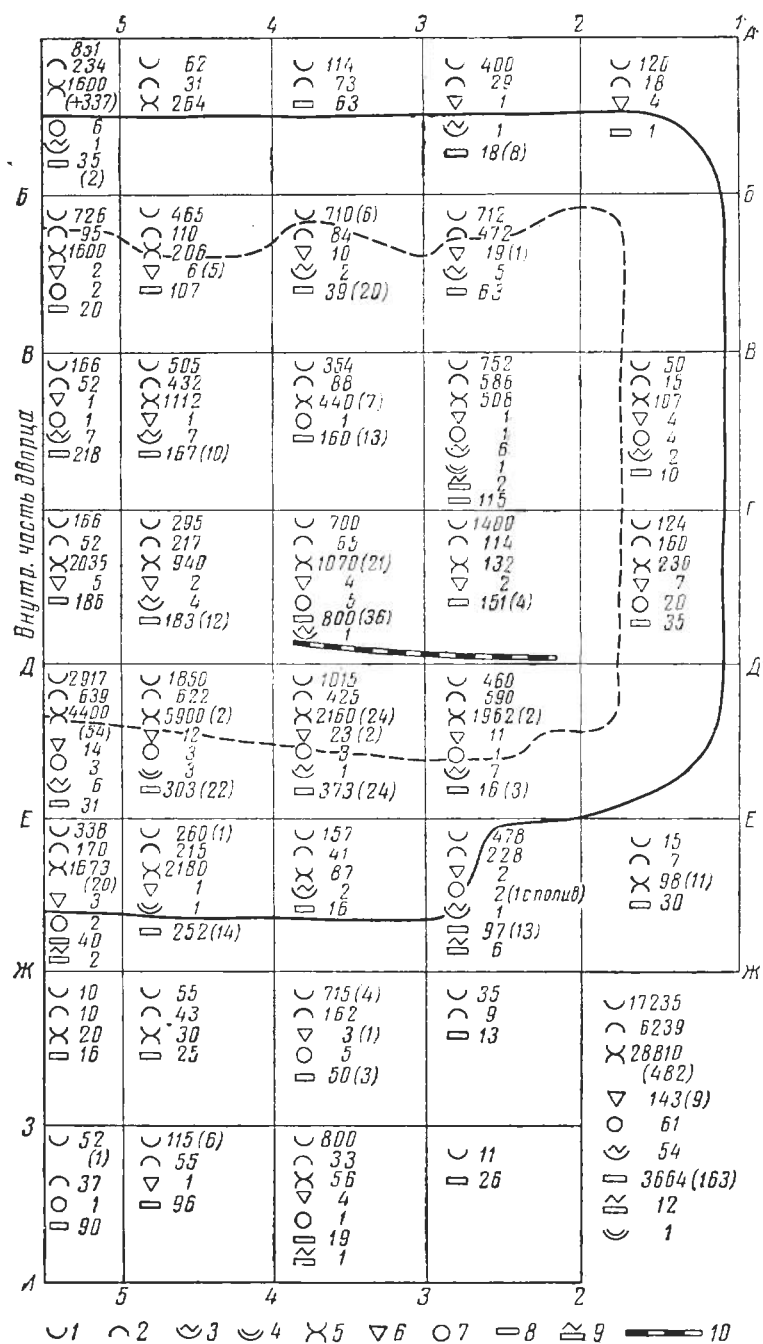

Рис. 4. Схема раскопанной части дворца с указанием количества находок по квадратам

1 — нижняя черепица; 2 — верхняя черепица; 3 — нижняя черепица с орнаментом; 4 — нижняя черепица с валиком; 5 — мелкие обломки черепиц; 6 — отливки нижних черепиц; 7 — диски верхних черепиц; 8 — кирпичи; 9 — кирпичи с рельефным орнаментом; 10 — линия стены. (Цифры в скобках обозначают предметы, сильно обгоревшие)

плиты. Просели же они потому, что завалилась продольная средняя стенка, сложенная из кирпичей и из плиток, делившая каждый канал на две части. Так как оба канала не выходили за пределы линии 3, то нужно полагать, что центральная стенка в них играла не только роль опоры

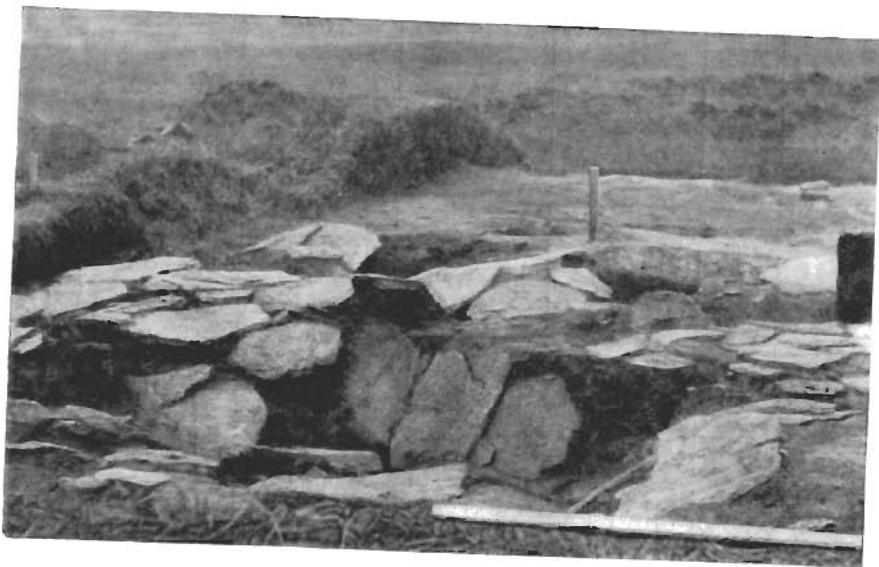

Рис. 5. Дворец. Плиты перекрытия отопительных каналов (кв. В2-3)

перекрытия, но и разгораживала канал вдоль на две части с тем, чтобы по одной его половине горячий воздух из топки шел с востока на запад, а по другой его половине, повернув, направлялся опять к востоку, где дым и выходил наружу.

Большой интерес представляет конструкция топок (рис. 6). Их перекрытие обнаружено на 80 см ниже уровня пола дворца. Вертикальный обрез подиума в этом месте укреплен стенкой из крупных сырцовых кирпичей (толщиной до 10 см; рис. 6). Под эту стенку уходят, повышаясь внутрь здания, отопительные каналы шириной до 35 см, соединенные с верхней частью топочного пространства, которое подквадратно в плане и имеет 72 см в длину и ширину и до 40 см в высоту. Топочное пространство вырыто в плотно утрамбованной земле подиума и, вероятно, было по стенкам обмазано глиной. В центральной части его наружной стенки прорезан устьевой проем шириной в 45 см и глубиной в 26 см. Его стенки укреплены поставленными на ребро плитами толщиной в 5—6 см, а сверху перекрыты плитой и кирпичами таким образом, что устьевое отверстие топки имеет ширину 30 см и высоту до 25 см. Пространство в 2 м между обеими топками забито золой и мелким углем. Вероятно, печи топились не дровами, а сухой травой, скорее всего камышом или осокой, которых очень много в долине Урулюнгуя. В топку, очевидно, шли и кости, остававшиеся от еды. В 90 см к востоку от устьев топок лежит с севера на юг бревно, толщиной до 20 см, по-видимому укреплявшее предтопочное возвышение. Далее к востоку от бревна подход к топкам уже совпадает с поверхностью почвы. Изучение топок и отопительных каналов позволяет заключить, что в юго-восточном углу здания находилась теплая комната, по-видимому отгороженная от остальных помещений внутренними стенками. Линии этих стенок можно установить по следующим признакам (см. рис. 3). Юго-западный угол комнаты намечается поворотом на север выкладки кирпичей на участке Г4. Направление же северной перегородки как будто намечается столбом на участке В2 и северной границей каменного настила над отопительным каналом на

участке В3. Здесь же найдено два кирпича, орнаментированных рельефным изображением цветов в вазе, по-видимому, украшавших нижнюю часть перегородки (рис. 7). Таким образом, теплая комната имела площадь 6 × 7 м. Всю ее восточную половину занимал теплый кан, нагревавшийся описанными выше двумя топками. Наличие настила из плит в

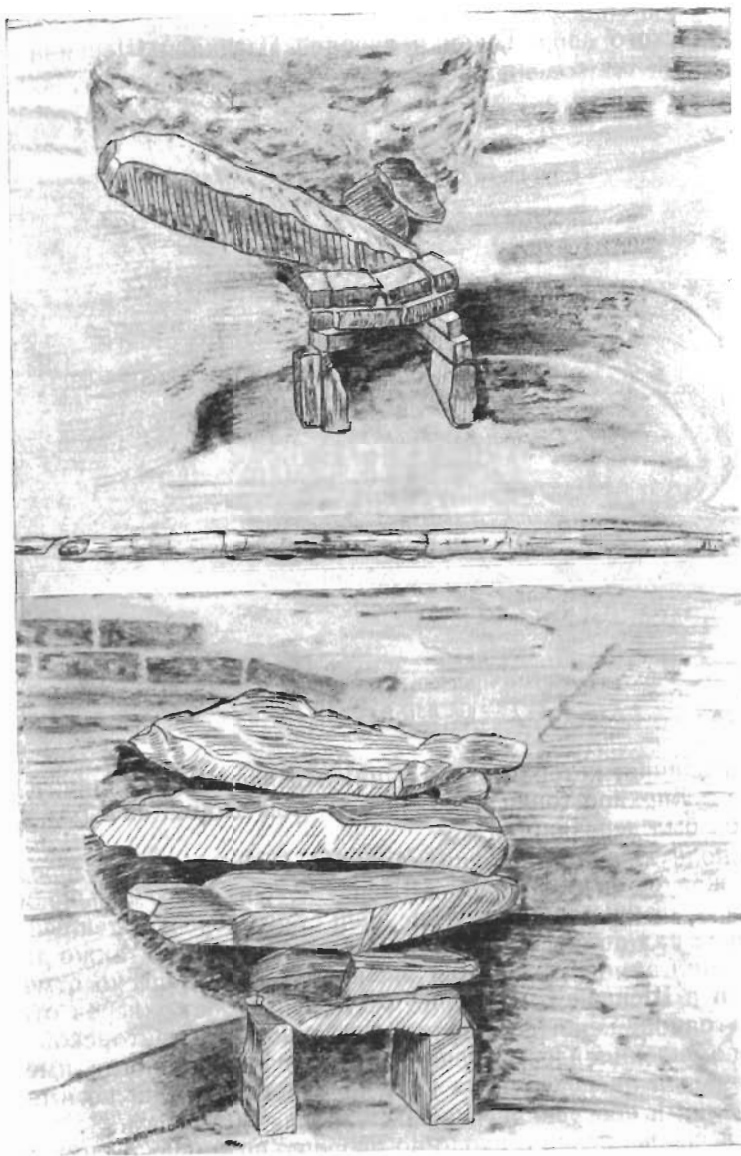

Рис. 6. Дворец. Топки с восточной стороны подиума

юго-западном углу комнаты, может быть, служит указанием на помещение здесь в особо холодное время дополнительного отопления — чугунных жаровен с горячими углями.

Такая система частичного отопления дворцовых помещений характерна для дворцовой архитектуры Дальнего Востока. Я имел возможность изучить их в двух древних дворцах Китая — в манчжурском Гугуне Шеньяна и в Минско-Циньском Гугуне Пекина.

В обоих случаях топки были установлены в облицованных кирпичом колодцах глубиной в 1,2—1,8 м, встроенных в толщу внешней террасы подиума у самой стены здания. После прекращения горения колодцы закрывались деревянной крышкой. Верх устьевого отверстия топок апартаментов императора Канси в Пекине находится на глубине 70 см от поверхности террасы, имеет ширину до 25 см и высоту 20 см. Само топочное пространство округло в плане, диаметром в 50—60 см. В отличие от Хирхиринского дворца, топки дворцов Пекина и Шеньяна находятся

Рис. 7. Дворец. Фрагменты кирпичей с рельефным узором
1 — кв. В3; 2 — А4; 3 — В3

под стеной здания, которая здесь в нижней части массивная, кирпичная. Вынесение в Хирхире топки подальше от стен дворца еще раз подтверждает, что он был деревянным.

Почти полную аналогию хирхиринской теплой комнате представляет императорская спальня дворца в Шеньяне. Она еще меньше хирхиринской, и значительную ее часть у внешней стены образует теплый кан, возвышающийся над полом на 30—35 см. Он обогревался также двумя топками и служил зимой императорской постелью. Интересно отметить, что выход дыма в Шеньянском дворце был очень прост — через отверстие в стене над топкой, непосредственно под окном императорской спальни. Соседние помещения в осмотренных мною дворцах иногда имели такие же каны, иногда нагревался их пол, но чаще всего они не имели никакого отопления и обогревались лишь жаровнями с углем.

Теперь несколько слов о входе во дворец Хирхиринской цитадели. Как уже указывалось, с южной стороны подиума имеется выступ, полого спускающийся к уровню почвы. Раскопки не обнаружили здесь остатков лестницы. Очевидно, это был отлогий пандус, вымощенный кирпичом (на раскопанной части его площади найдено свыше 300 фрагментов кирпичей). Пандус приводил к неглубокой передней террасе дворца, также, по-видимому, выстланной кирпичом. На террасу открывались двери центральной части южной стены дворца.

Самым многочисленным материалом среди находок в Хирхиринском дворце являются фрагменты черепицы от его кровли. Всего при раскопках найдено 53 033 обломка кровельных черепиц и их украшений. Подсчеты находок отдельных видов черепиц позволяют составить представле-

ние о конструкции черепичного перекрытия (см. рис. 4). Прежде всего обращает на себя внимание значительное преобладание нижних широких вогнутых черепиц (рис. 8) над полуцилиндрическими верхними (рис. 9). Последние как на внешних, так и на внутренних участках раскопа I составляют одну треть. Почти в таком же соотношении и находки украшенных концевых черепиц; если отливов от концов нижних черепиц найдено 152 фрагмента, то обломков дисков, украшавших концы верхних черепиц, найдено всего 60. Это позволяет сделать вывод о том, что крыша Хирхиринского дворца крылась не путем чередования полосы нижних черепиц

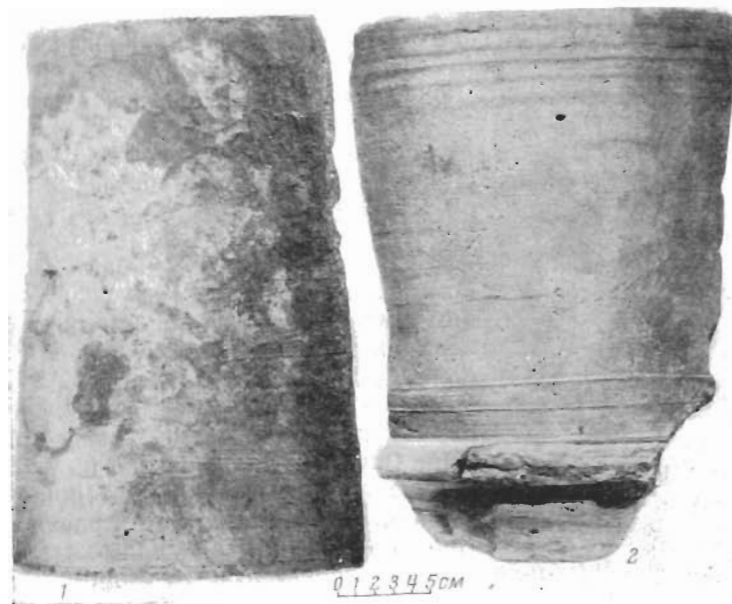

Рис. 8. Дворец. Нижние черепицы
1 — кв. Б5; 2 — В3

с полосой верхних, а в несколько ином ритме. Например, так: две нижние черепицы и перекрывающая их сверху такая же широкая черепица, но положенная выпуклой стороной вверх, затем новая группа из трех широких черепиц, и только стыки между этими группами перекрывались полуцилиндрическими «верхними» черепицами. Кроме того, изучение количества находок отливов и дисков по различным сторонам дворца как будто говорит о том, что наиболее богато украшенным был фасадный южный склон крыши, затем боковой, восточный, а северный, задний, от которого уцелело всего восемь мелких обломков дисков, имел, по-видимому, самую скромную орнаментацию.

Кровля Хирхиринского дворца была одноярусной, но четырехскатной. Ее одноярусность устанавливается по отсутствию каких-либо признаков внутренних колонн, делящих двухъярусные здания дальневосточного типа на три нефа, из которых средний и перекрывается вторым, верхним, ярусом кровли. Против двухъярусности говорит и крайне незначительное число находок обломков отливов и дисков на «внутренних» участках раскопа I (16 из 152 обломков отливов и 8 из 61 обломка дисков). По малочисленности они, конечно, не могли служить украшением верхнего яруса кровли. Они попали внутрь здания при обрушении одноярусной крыши. Четырехскатность кровли Хирхиринского дворца устанавливается уже отмеченным выше наличием значительного числа находок отливов

Рис. 9. Дворец. Верхняя черепица (кв. Б4)

и дисков вдоль восточной стены (29 отливов и 25 дисков). Если бы здесь был фронтон двускатной кровли, то (по твердо установившейся на Дальнем Востоке традиции) отсутствовали бы отливы и диски, так как фронтон украшается только несколькими рельефными валиками, идущими вдоль его верхнего края, а то и просто полосой темной окраски.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей черепицы. Вся она сделана из серой хорошо отмученной глины, с выпуклой стороны тщательно заглажена, иногда до залощенности, с вогнутой — имеет всегда отпечатки ткани. Размеры нижних черепиц обычно таковы: длина — 28,5—29 см, ширина вверху — 14,5—16,5 см, внизу — 17,5—20 см, толщина по краям — 1,4—2 см и посередине — 0,7—1,2 см. Размеры верхних черепиц: длина 28—29 см, ширина внизу — 15—16 см, вверху — 13—15 см. Толщина у края — 1,5—2,5 см, посередине — 1—1,5 см. Большинство черепиц имеют гладкие обрезы. Однако среди верхних черепиц встречались и имеющие с более узкой стороны зазор. Среди нижних широких черепиц одна имела с узкой стороны валик, образовавший также подобие зазора (рис. 8). Большинство нижних и верхних черепиц с выпуклой стороны гладкие. Однако почти во всех частях раскопа I встретились обломки и даже целые черепицы обо-

их сортов, украшенные по выпуклой стороне резным узором. Обычно это идущие поперек всей черепицы пояски из прочерченных острием параллельных линий, между которыми размещены волнистые ленты, арочки или фестоны, образованные такими же семью параллельными линиями (рис. 10).

Рис. 10. Дворец. Резные узоры на черепицах
а — кв. Д5; б — Д6

Кроме того, встречены также черепицы, у которых наряду с резным узором фестоны и волны образуют желобки, нанесенные тупой палочкой (рис. 11). Всего таких орнаментированных черепиц найдено две целых

Рис. 11. Дворец. Нижняя и верхняя черепицы с резным и желобчатым узором
1 — кв. Г2; 2 — А6

(верхняя и нижняя)²³ и 52 обломка. Каково место этих черепиц в кровле, точно сказать нельзя, так как они найдены и на внешних и на внутренних участках. Ясно только одно: орнамент на выпуклой стороне широких черепиц подтверждает высказанное предположение о перекрытии пазов не только полуцилиндрическими «верхними» черепицами, но и широкими «нижними», которые клали в таких случаях выпуклой стороной вверх.

Орнаментация выпуклой поверхности черепицы резными линейными орнаментами представляет собой, по-видимому, мастерство местных черепичников. Во всяком случае, ни в МНР, ни в Китае, ни в Корее, ни на Советском Дальнем Востоке нам не встретились подобные черепицы.

Иначе обстоит дело с формой и орнаментацией отливов концевых, «нижних», черепиц. Эти отливы представляют собой простой отгиб вниз нижнего (широкого) края черепицы. Нижний край этого отгиба обычно гофрирован защипами или косыми вдавлениями палочки (рис. 12). Плоскость отгиба украшена чаще всего несколькими параллельными бороздками и валиками. Валики часто косыми нарезками превращены в имитацию шнура. Иногда встречаются между бороздками вдавления узелка или круглого штампа с точкой внутри, а также зубчатого штампа. Иногда здесь только косые нарезки (рис. 13).

²³ Квадраты Г2 (нижняя) и А6 (верхняя).

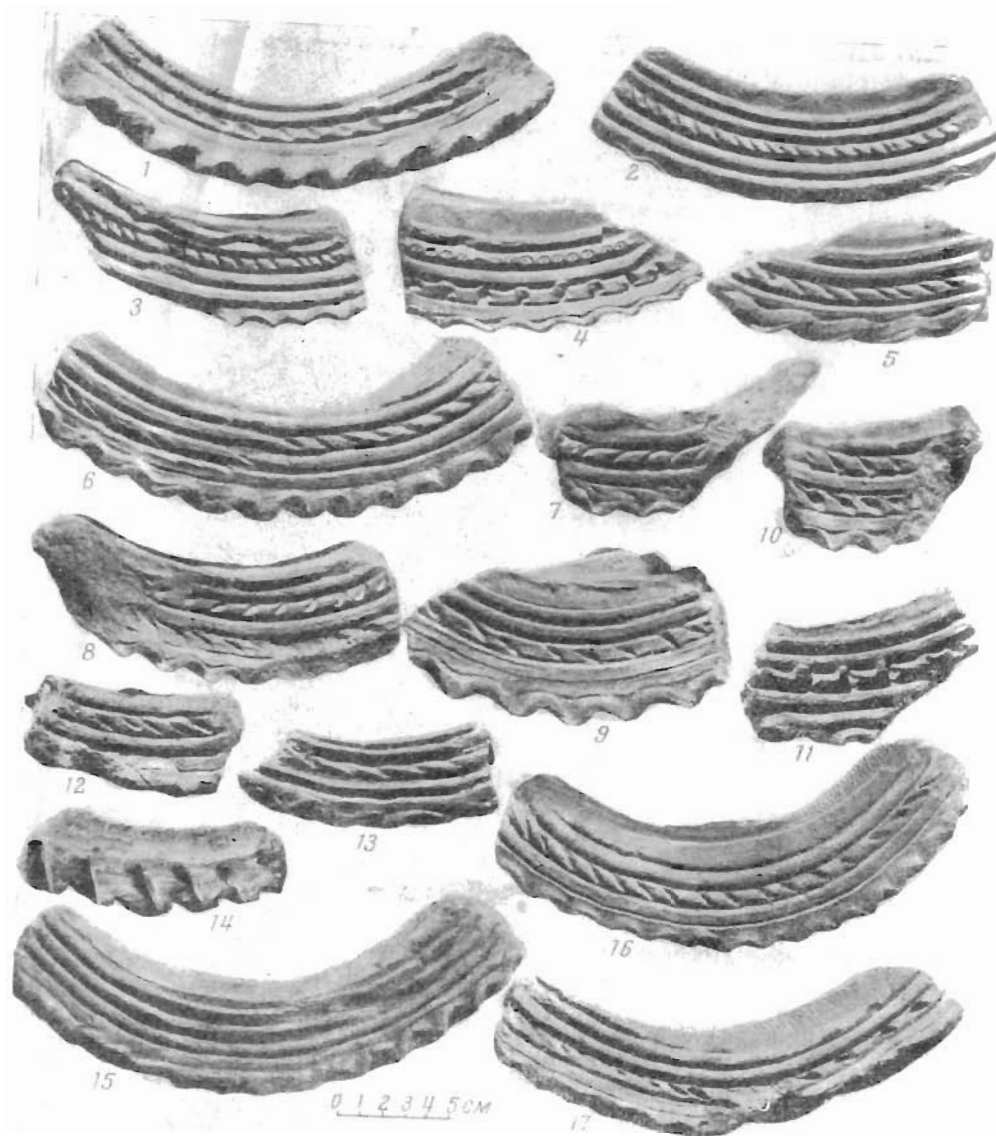

Рис. 12. Дворец. Орнаменты на отливках нижних черепиц

1 — кв. В2; 2 — А2; 3 — Д4; 4 — Г5; 5 — Б4; 6 — В2; 7 — Г4; 8 — А2; 9 — Б4; 10 — В3; 11 — Д4; 12 — В2; 13 — Г2; 14 — Б3; 15 — В5; 16 — Г4

Все эти отливы ближе всего к черепицам, найденным Э. В. Шавкуновым на Николаевском и Красноярском городищах Приморья, относящимся к чжурчжэньскому времени — XI—XIII вв.²⁴

²⁴ Э. В. Шавкунов. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья. Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 3, Улан-Удэ, 1930, стр. 174—193, рис. 13—20. В упомянутом труде Э. В. Шавкунов неверно передает мое утверждение о генетической связи между бохайской и чжурчжэньской черепицей, изображая дело так, будто бы я в своей работе «Из истории китайской черепицы» (СА, 1959, № 3, стр. 159—178) основываю этот вывод на изучении всех видов украшений черепицы, т. е. и отливов, и дисков (стр. 176). Между тем в моей статье ясно говорится, что эта генетическая связь устанавливается только по отливкам. И напрасно Э. В. Шавкунов пытается эту связь отрицать. Приведенные им в цитированной статье изображения отливов бохайской нижней черепицы (рис. 4, 7) только подтверждают, что уже в VIII—X вв. разрабатывались почти все приемы орнаментации отливов нижних черепиц, которые потом были применены для украше-

Рис. 13. Дворец. Торцы верхних черепиц с нарезками для лучшего прикрепления концевого диска

1 — кв. Д4; 2 — Б4; 3 — Г4; 4 — Д4

Аналогичная орнаментация отливов обнаружена Л. Р. Кызласовым при раскопках города в местности Дён-Терек в Тувинской АО, относящегося к XII—XIII вв.²⁵

Орнаментация дисков «верхних» черепиц Хирхиринского дворца более своеобразна²⁶. На окруженном жемчужником поле расположен сложный орнамент из рельефных изогнутых линий и трех выпуклин. В целом весь орнамент напоминает изображение какого-то жука или ракообразного (рис. 14). Вместе с тем сравнение этого орнамента с наиболее примитивными изображениями человеческой личины из чжурчжэньских городищ Приморья²⁷, и особенно из Дён-Терек²⁸, позволяет полагать, что перед нами также схема личины, но прямое значение ее забыто мастером. В самом деле, он изображает уши в обычной манере, глаза и широкий нос передает тремя выпуклинками, складки лба превращает в какие-то серповидные линии, выпускает рот, но тремя выпуклостями передает бороду. По-видимому, здесь, как и в орнаментации выпуклых поверхностей черепиц, сказывается местная особенность черепичного мастерства. С одной стороны, в нем виден известный провинциализм, оторванность от ведущих центров черепичного производства того времени, а с другой, проявляется собственная выдумка, связанная с местными традициями в орнаменте.

Подытоживая результаты анализа кровли и черепиц, можно сказать, что перед нами — комплекс, довольно типичный для черепичного мастерства XI—XIII вв., ближе всего связанный с черепичным производством чжурчжэньских пород нашего Приморья, откуда, по-видимому, и черпали строители древнейших монгольских городов образцы для технологии и декора. Однако они не были пассивны и вносили в орнаментацию черепицы свои характерные черты.

Теперь необходимо отметить одну находку, сделанную во дворце при расчистке северного отопительного канала, под перекрывавшими его

ниже чжурчжэньских отливов. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить между собой рисунки отливов бохайского и чжурчжэньского времени, приведенные самим Э. В. Шавкуновым. Что касается дисков «верхних» черепиц, то их орнаментация в чжурчжэньское время была совершенно иной по сравнению с бохайской, и это было доказано мною достаточно ясно (стр. 168 и 170—171).

²⁵ С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, 3, рис. 10.

²⁶ Для лучшего скрепления диска с торцом верхней черепицы на торце делались нарезки (рис. 13).

²⁷ Э. В. Шавкунов. Ук. соч., рис. 10.

²⁸ С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, рис. 9.

плитами (участок В3). Здесь оказался почти целый диск от «верхней» черепицы, сделанный из коричневой глины и украшенный совсем иным орнаментом. В центре окруженной глубокой бороздкой площади диска глубокой же бороздкой выделена центральная выпуклина, вокруг нее штампом нанесены лучеобразно 11 овально-подтреугольных углублений (рис. 15). Этим способом получена, правда, весьма примитивная схема орнамента, характернейшая для танской эпохи в самом Китае, в Бохайском царстве на Дальнем Востоке, в уйгурских городах на территории

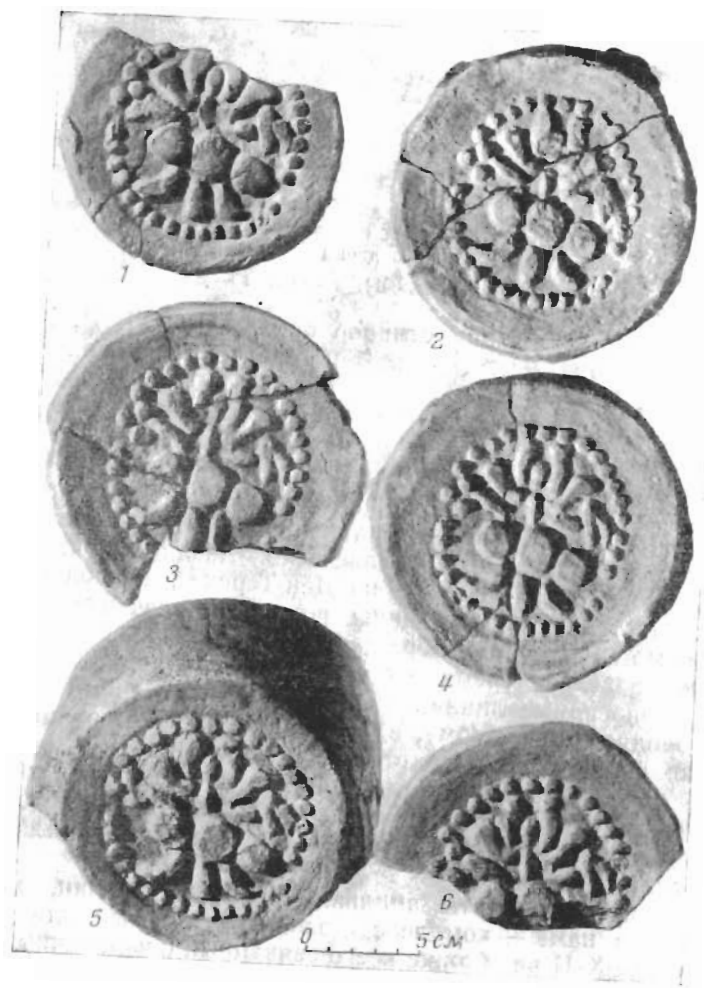

Рис. 14. Дворец. Концевые диски верхних черепиц с орнаментом
1 — кв. Б6; 2 — Г2; 3 — А6; 4 — В3; 5 — Г2; 6 — Г2

Монголии и даже в Ак-Бешиме в Киргизской ССР²⁹. Еще один аналогичный диск, орнаментированный таким же способом — в виде вдавленной розетки, найден был в раскопе II, в его нижнем слое, уходящем под вал Хирхиринской цитадели. Особенности этих дисков и условия их залегания позволяют считать их остатками от постройки более ранней, чем Хирхиринская цитадель. Эта деталь очень важна. Ведь и столица Чингизидов Каракорум, как показали наши раскопки 1949 г., была построена на месте более раннего поселения X—XI вв.³⁰ Таким образом, можно с

²⁹ С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, № 3, стр. 164—168.
³⁰ С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 97—98.

еще большей уверенностью заключить, что градостроительство в древнемонгольском государстве, обусловленное социально-экономическими причинами, имело и свою многовековую традицию.

Остается упомянуть о бытовых находках во дворце Хирхиринской цитадели. Они прежде всего свидетельствуют о том, что это здание было жилым. Всюду найдены остатки пищи — раздробленные кости домашних животных, особенно бараньи. Также многочисленны обломки посуды. Большую их часть (13 фрагментов) составляют обломки крупных сосудов, формованных ленточным способом, на кругу из серого хорошо

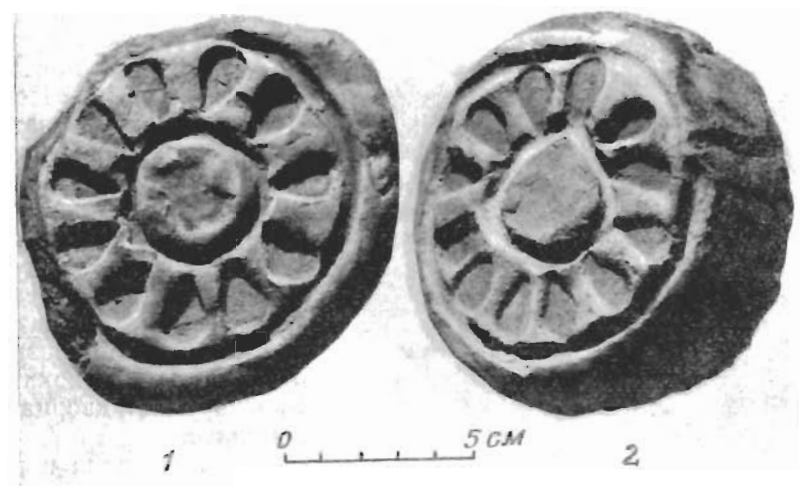

Рис. 15. Концевые диски верхних черепиц с более древним орнаментом
1 — отопительный канал дворца, кв. В3; 2 — раскоп II, у вала, кв. А2

отмученного теста, образовавшего после обжига хорошо спекшийся «каменный» черепок. Снаружи и изнутри эти сосуды были покрыты серо-зеленой поливой. Иногда по их поверхности проходят валики с косыми насечками (рис. 16, 3)³¹. Кроме этой посуды, найдены обломки сосуда, покрытого черной поливой³², обломок зеленой селадоновой чаши (рис. 16, 2)³³ и обломки неполивных сосудов из темно-серой глины (рис. 16, 1)³⁴. Сюда же должен быть отнесен и обломок чугунного котла³⁵.

Весь этот комплекс посуды совершенно сходен с той серией находок, которая была собрана на поверхности Хирхиринского городища во время его осмотра в 1957 г., и подчеркивает органическую связь всех его частей. В то же время этот комплекс посуды (к нему надо прибавить новые случайные находки керамики типа Ци-Чжоу) совершенно аналогичен находкам в Каракоруме, хотя и много беднее.

Из других находок во дворце прежде всего надо упомянуть две монеты. Одна из них найдена под плитами, покрывавшими отопительный канал на участке Г3. Она относится к правлению Сев. Сунского императора Женьцзуна (1023—1064)³⁶. Другая монета того же времени найдена на уровне пола у самого пикета В6³⁷. Интересна также находка внут-

³¹ Д5—4 экз., Г4—5 экз., Г6—2 экз., В4—2 экз.
³² Ж6.
³³ Е3.
³⁴ А3, Б6.
³⁵ В5.
³⁶ Пэй Синь-вэй. История китайской монеты. Шанхай, 1954, табл. 33, 15 (на кит. яз.).
³⁷ Там же, рис. 7.

ри дворца (на участке Г4) обломка втулки от оси повозки (монг. «цюн»), также подтверждающая связь Хирхирина дворца с повседневной жизнью.

Большое число кованых гвоздей, найденных по всей площади раскопа I, нужно относить главным образом к кровле. Такими гвоздями обычно укреплялись верхние черепицы на деревянном решетнике.

Какова была судьба дворца Хирхирина цитадели? Значительное количество углей и обугленных палок от решетника кровли, а также известный процент прокаленных докрасна черепицы и кирпичей не оставляют сомнения в том, что здание погибло от пожара. Но когда он произошел и что было его причиной, пока остается неизвестным. Пожалуй, можно только сказать, что жизнь Хирхирина цитадели не была долговременной; об этом говорит как незначительность культурного слоя, так и отсутствие той роскоши времен расцвета древнемонгольского государства, которая столь ярко отразилась в находках и в архитектуре Каракорума и дворца XIV в. в Кондуе.

Изучение вала и рва цитадели (раскоп II, рис. 17) дало следующие результаты. Ров в первоначальном своем виде не имел отвесных стенок. Его края понижались отлого на глубину всего 1 м ниже древней поверхности почвы. Первоначальная ширина его по верху достигала 5 м (до пикета Б2). Вал представляет собой остатки укрепления, первоначально имевшего большую высоту и более отвесные скаты. С внутренней стороны в разрезе вала сохранилась облицовочная часть в виде стенки мощностью в 75 см из твердо сбитого темного суглинка с прослойкой строительных остатков мелкой щебенки (из кирпича и черепицы). Таким образом, можно полагать, что внутри цитадели вал имел вид отвесной стены. Сама насыпь была сооружена из светло-серого суглинка с включением тех же строительных остатков. Наружная часть вала оказалась сильно размытой и оплывшей. Судя по мощному оплыву глины, заполнившей нижнюю часть рва, можно полагать, что снаружи вал был облицован глиной, вероятно, так же как и внутри, сбитой в вертикальную облицовочную стенку. Если эти соображения правильны, то стена Хирхирина цитадели могла иметь первоначально толщину до 3 м и высоту свыше 2 м. По ее верху, вероятно, шла еще деревянная преграда, от которой прослеживаются в профиле вала ямы от столбов диаметром 35—40 см (например, по линии А, в 80 см к западу от пикета А2). Может быть, эта преграда была плетневой, обмазанной глиной, подобно той, которая была установлена на валу, окружавшем Каракорум.

В 3 м к западу от внутренней стены вала раскопки обнаружили остатки глинобитной стенки толщиной 40 см. Все раскопанное пространство к

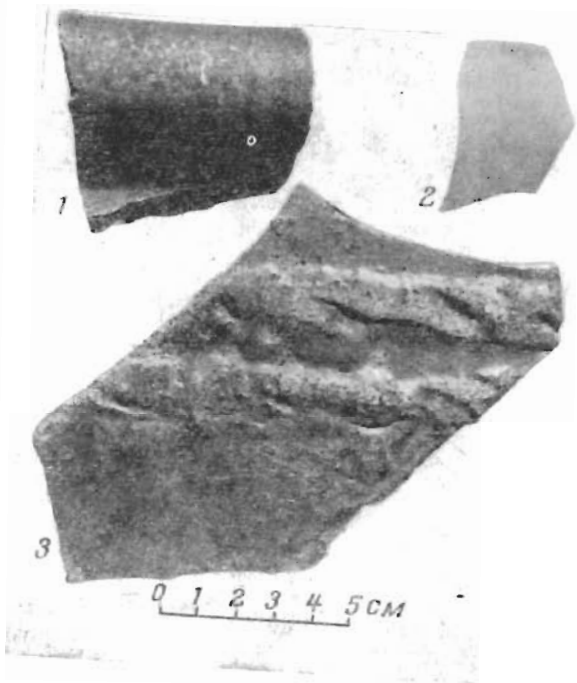

Рис. 16. Дворец. Находки керамики

1 — фрагмент сероглиняного сосуда (кв. Б6); 2 — обломок салатниковой чаши (Е3); 3 — обломок сосуда из серой глины, покрытого серо-зеленой поливой (Г4)

западу от этой стенки оказалось заполненным остатками жилища. Его перекрытие опирались на ряды столбов диаметром до 20 см и имело вымазанный глиной пол. На его поверхности, в северной части раскопа сохранился отопительный канал, перекрытый плитами, и остатки топки в виде развала кирпичей, плит и скопления золы и угля. Невдалеке от этой топки обнаружена яма, наполненная костями съеденных домашних животных. Здесь же найдены девять обломков черепицы, совершенно аналогичной дворцовой. На участке А—Б4 к западу от стенки (т. е. внутри описываемого жилища) найдено девять обломков сосудов, покрытых серо-зеленой поливой, также совершенно сходной с найденной во дворце. Кроме того, здесь найдены обломки серой и розовой неполивной посуды, глиняное пряслице, кусок железного шлака, два наконечника стрелы и медные ножны для небольшого ножа. Особо следует отметить найденную на участке А6 во втором слое, т. е. на уровне пола, монету чжурчжэньского императора Шизуна (1161—1189 гг.; рис. 18)³⁸.

Перечисленные находки и сходство внутренней стены вала и восточной стены раскопанной постройки (другие ее стены пока не обнаружены) позволяют считать это строение одновременным дворцу, и, может быть, служившим жилищем для воинской гарнизона цитадели.

Однако этим не ограничиваются открытия, сделанные в раскопе II. При разрезе вала выяснилось, что он был сооружен на развалинах более древнего здания. Восточная стена этого здания оказалась скрытой в толще вала, а внутренняя облицовочная стенка вала была построена на полу этого жилища, и, что особенно важно, на перекрытии части его восточного отопительного канала.

Такая стратиграфия не оставляет сомнения в том, что открытые на участках А3-В3 отопительные каналы, облицованные кирпичом, и перекрытая плитняком печь, к которой эти каналы примыкают (рис. 19), а также и другие части этого здания более древни, чем стена цитадели. Находки, сделанные в этом здании, подтвердили указания стратиграфии. Найденная здесь керамика оказалась в массе плохим качеством песчаного теста, и покрыта она коричнево-черной поливой, так-

³⁸ Пэй Синь-вэй. Ук. соч., табл. 45, 2.

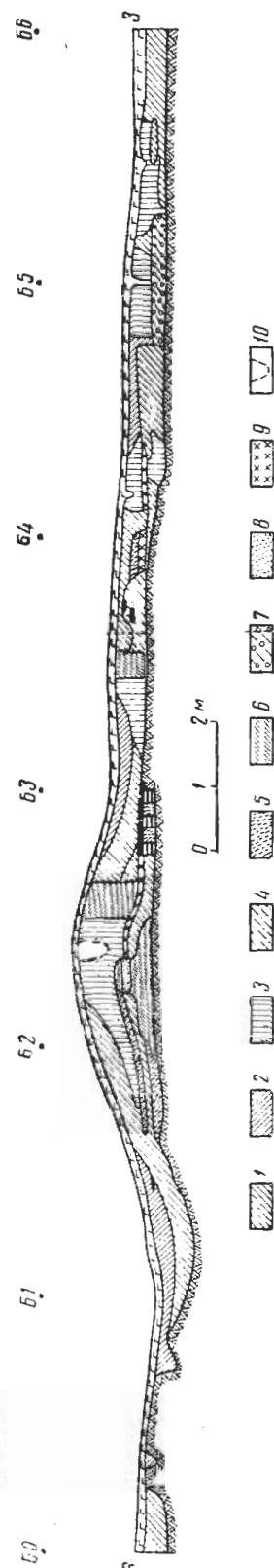

Рис. 17. Разрез вала цитадели

1 — желтый суглинок со строительными остатками; 2 — сильно гумусированный суглинок; 3 — светлый суглинок со строительными остатками; 4 — темный суглинок со строительными остатками; 5 — зола; 6 — сытая глина; 7 — глина с галькой; 8 — песок; 9 — слой известня; 10 — следы ям от колодезья

же невысокой прочности. Другие фрагменты хорошего качества были покрыты темно-оливковой поливой, не встреченной в других местах городища. Третью группу составляют обломки прекрасной посуды «каменного» обжига с темно-коричневой, почти черной поливой. Лишь эти фрагменты можно сравнивать с найденными во дворце. Наконец, здесь же, под валом,

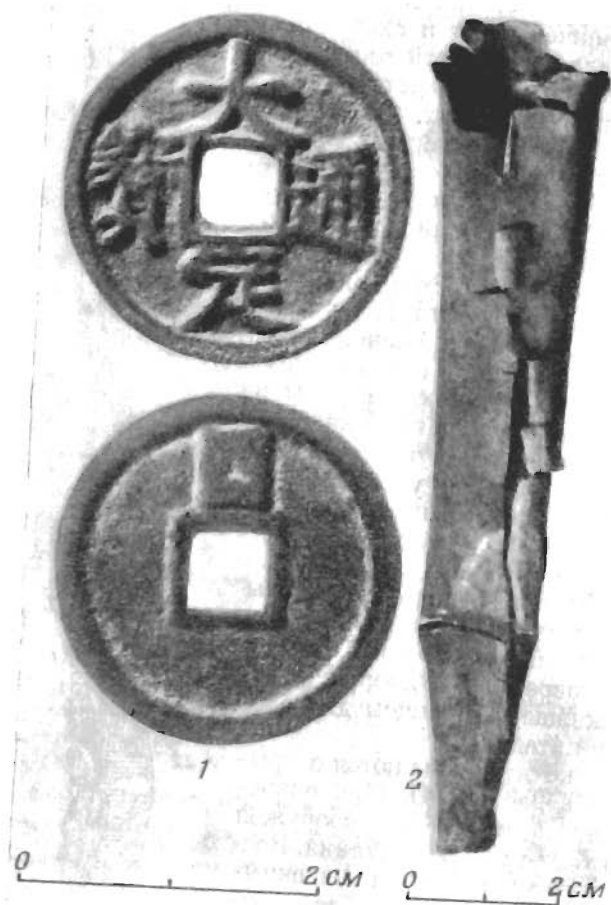

Рис. 18. Дом у вала цитадели. Монета и ножны
1 — кв. А6; 2 — А3

был найден еще один диск верхней черепицы, украшенный вдавленной розеткой танского типа (рис. 15. 2), о котором говорилось выше. Вполне возможно, что эта находка и определяет время здания, которое впоследствии было засыпано при постройке укреплений Хирхириинской цитадели. Третьим пунктом раскопок явилось центральное здание обнесенной вала усадьбы на восточной окраине городища. Так как раскопки здесь еще не закончены, можно только сказать, что этот дом имел глинобитные стены, вымазанный глиной пол и был разделен на отдельные помещения, план которых еще предстоит выяснить.

Перегородки были сложены из сырцового кирпича. В одном месте кладка в один кирпич была обычной и прослежена на девять ярусов. В другом кладка была из вертикально поставленных на тычок кирпичей. Она сохранилась на два яруса (рис. 20). Этот прием кладки, равно как и кладка в елочку, широко распространен в Китае до настоящего вре-

мени. В этом здании найдены кости домашних животных и обломки посуды, сделанной на кругу, — простой темно-серой и типичной для монгольской Хирхиры «каменного» обжига с серо-зеленой поливой.

Раскоп IV был заложен на маленьком холмике, скрывавшем небольшую постройку на самой северо-восточной окраине городища. Ее внеш-

Рис. 19. Древний дом у вала цитадели. Топка кана (кв. Б3)

ние размеры — $8,3 \times 8,1$ м. Толщина глинобитных стен — $0,9—1,2$ м. Пол представляет собой утопанный древний гумусный слой с включением большого количества угля. На этом полу в большей части помещения лежит толстый слой золы и угля мощностью до 60 см. В нем двумя прослойками залегают дробленые кости домашних животных (в том числе и верблюда), употребившихся в пищу. Этого слоя нет только у середины северной стенки, где находилось очажное место овальной формы 80×60 см, представляющее собой чередование углисто-золистых и глиняных прослоев на высоту до 60 см над уровнем нижнего пола. Создается впечатление, что по мере очистки этого очага накапливался золистый слой по всему помещению, а поэтому приходилось поднимать и очажный под-

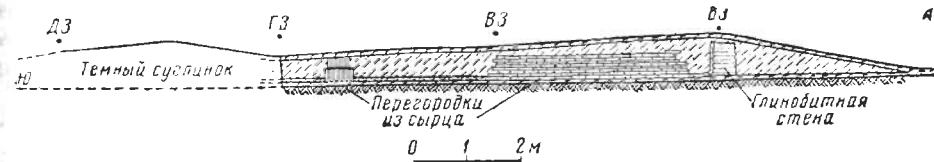

Рис. 20. Усадьба на восточном крае городища. Центральный дом. Профиль по линии III (С — Ю). Вид с востока на перегородки

При расчистке этого здания были найдены обломки посуды из серой и розовой, хорошо отмученной глины «каменного» обжига, обломки сосудов серо-розовой глины с включением черного толченого камня, один обломок сосуда серой глины с темно-коричневой поливой и один обломок

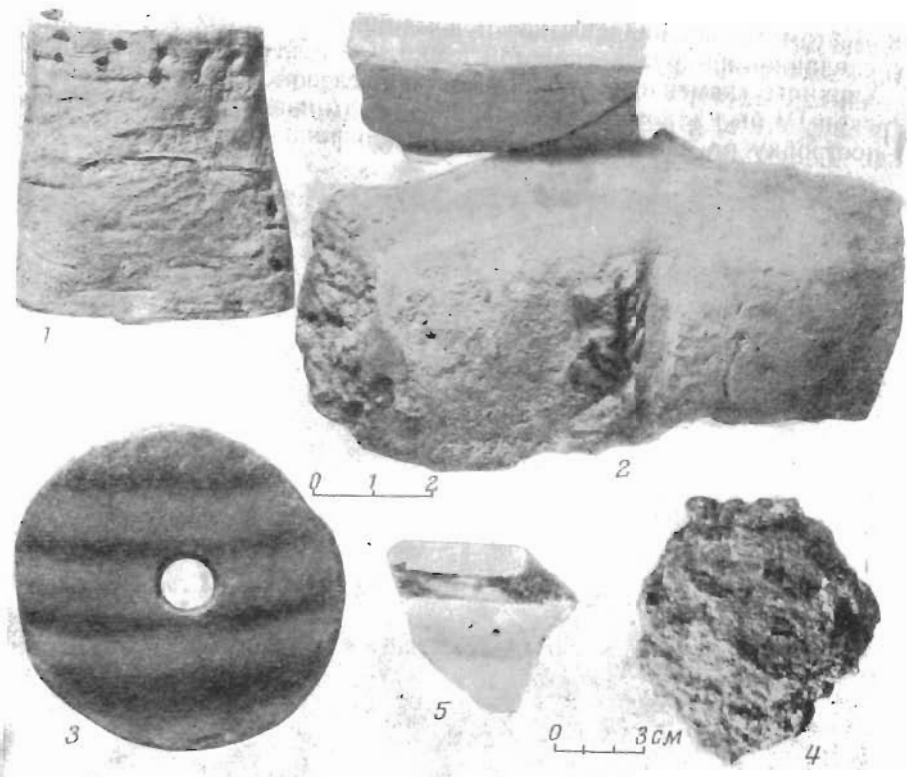

Рис. 21. «Дом кузнеца». Находки

1 — прошивная береста; 2 — серая глина; 3 — пряслице из стенки сосуда; 4 — кирпич; 5 — обломок сосуда типа Ци-Чжоу;

типа Ци-Чжоу. Здесь же встретились обрывки бересты и один кусок ее с прошивкой (рис. 21).

Количество угля и золы здесь таково, что заставляет видеть в этом домике мастерскую. Поскольку около очага нашлась железная крица, а в золисто-углистом слое попадались железные шлаки, мы назвали эту постройку «домом кузнеца». Такое определение подкрепляет и его расположение на окраине городища. Продолжение раскопок этого здания и прилегающего к нему с востока дворика, безусловно, поможет окончательно решить вопрос о характере занятий его обитателей.

Пятым объектом наших исследований явилась гора Окошки, расположенная в 2 км к северу от Хирхиринского городища. Заложенные здесь шурфы показали наличие культурного слоя стоянки бронзового века с керамикой и каменными орудиями.

Основные работы на горе Окошки были сосредоточены на исследовании расположенного здесь курганного могильника. В 1959 г. был раскопан самый большой курган этого некрополя, сразу же привлекавший к себе наше внимание тем, что на поверхности его насыпи выступали кирпичи серой глины, совершенно аналогичные городищенским.

Кроме того, в стенке вырытой на нем ямы был найден обломок сосуда «каменного» обжига, покрытый серо-зеленой поливой, также не отличающийся от найденных во всех раскопах Хирхиринского города.

Раскопками кургана № 1 на горе Окошки были обнаружены расположенные по центральной оси с севера на юг три сильно ограбленных погребения, судя по остаткам инвентаря бывшие очень богатыми (в них

найлены шелковые узорчатые ткани, лаковые изделия, резьба по слоновой кости).

Четвертое погребение уцелело полностью. Сохранился дощатый, оклеенный железными полосами гроб, на котором лежало седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В обтянутом шелком гробу уцелели останки мальчика лет шести, положенного в шелковой шапочке, шелковой рубашке и штанишках, в шубе, крытой шелком, и в сапожках. Кроме того, на нем была юбка ламского типа. Шуба также отличается ламским покроем. На принадлежность мальчика к ламству указывает и то, что пояс с серебряными бляхами и кошелеком с кресалом и трупом не был подпоясан, а просто положен поверх шубы³⁹. На особое положение мальчика указывает и находившаяся на правой стороне груди серебряная чаша типа буддийской габала (монг.) или карала (санскр.); на дне ее имеется выпуклый внутрь знак — по мнению Б. И. Панкратова, сложная санскритская лигатура, по-видимому, начало молитвенного призыва.

Как известно, еще в XII в. в среду монгольской знати начал проникать буддизм. Среди родичей Чингис-хана были ламы, достигшие высоких степеней, например, его двоюродный дед был Хутухта-мунчур, а его дядя Хутухта-чжури⁴⁰. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что и среди знатных обитателей Хирхиринского города могли быть высокие ламы. А именно на высокий сан возможного перерожденца указывают перечисленные особенности погребения мальчика, одновременно и воина и ламы, да еще обладателя габалы — атрибута одного из высших таинств буддийского ритуала. Я ограничиваюсь только самой общей характеристикой результатов раскопок кургана на горе Окошки, которые заслуживают специальной статьи, однако не упомянуть о них нельзя. Курганы на горе Окошки представляют собой некрополь Хирхиринского города — центра улуса Джочи-Касара и его сына Исункэ. Найденные там погребения позволяют с большей полнотой раскрыть жизнь этого древнемонгольского города. Пока мы исследовали всего четыре могилы представителей аристократии города, может быть, ближайших родственников Исункэ. Некрополь обширен и содержит наряду с большими и малыми курганами и едва заметные могилки.

Таким образом, наряду с продолжением раскопок жилищ представителей различных слоев населения города на Хирхире открывается возможность исследовать также и их погребения, увидеть и здесь всю глубину экономических и социальных различий монгольского общества, уже бывшего классовым на первых этапах развития древнемонгольского государства.

Это очень важно и потому, что показывает глубокую социально-экономическую обусловленность развития в ту эпоху городов и городской жизни — тех сторон истории древнемонгольского феодализма, которые еще недавно оставались за пределами внимания историков государства Чингизидов.

³⁹ За эти чрезвычайно важные указания приношу глубокую благодарность К. В. Вяткиной.

⁴⁰ Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, Генеалогическая таблица к сказанию о Чингис-хане, стр. 258—259.